

В. А. АВРОРИН

ЛЕНИНСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Титаническая деятельность великого вождя трудящихся всего мира, создателя первого социалистического государства В. И. Ленина была образцом органического сочетания самой передовой науки и самой гуманистической практики. Советское языкознание, как и многие другие науки, прежде всего общественные, обязано В. И. Ленину постановкой и разработкой ряда важнейших теоретических проблем и животворной ориентацией его на разрешение многих актуальных вопросов, связанных с развитием культуры, народного образования и национальных отношений, имеющих непреходящее значение для нашего многонационального государства и для всего человеческого общества, пока оно сохраняет деление людей по национальному признаку.

В. И. Ленин разработал основные принципы национальной политики Коммунистической партии и ее важной органической части — политики языковой, под регулирующим воздействием которой функционируют и развиваются языки многочисленных народов Советского Союза. В. И. Ленин не оставил нам законченного систематического изложения своих мыслей по этому частному поводу. Имеющие для нас исключительную ценность мысли щедро разбросаны в его многочисленных книгах, статьях, письмах и выступлениях. Целью настоящей статьи является попытка собрать воедино важнейшие из этих мыслей и изложить их в определенной последовательности, позволяющей представить лежащую в их основе концепцию.

Прежде чем приступить к осуществлению намеченной цели, представляется полезным уточнить некоторые связанные с темой лингвистические понятия и существующие между ними зависимости. Это особенно необходимо хотя бы уже потому, что сама возможность осуществления той или иной политики в области языка советскими языковедами в разное время трактовалась далеко не одинаково.

Возможность и даже необходимость языковой политики были очевидными еще в 20—30-е годы для многих ученых, внесших существенный вклад в разработку социологического аспекта лингвистики, и особенно для тех, кто активно включился тогда в интенсивную работу по созданию и усовершенствованию письменности для многочисленных народов Советской страны. Своеобразной кульминацией (хотя и вовсе не естественным продолжением) этого направления можно считать теорию стадийности Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова, в которой социальные факторы, в том числе и языковая политика, рассматривались чуть ли не как единственные стимулы совершенствования языка. Лингвистическая дискуссия 1950 г. принесла известную пользу развитию советского языкознания, напомнив языковедам о существовании внутренних законов развития языка. Но, вместе с тем, она породила крен в обратную сторону — в сторону умаления роли экстралингвистических факторов. Под влиянием этих «новых» веяний проблема языковой политики была на долгие годы предана советскими языковедами забвению.

Одной из причин столь значительных колебаний советского языкознания в интересующей нас области может быть названа, как мне кажется, неуточненность ряда лингвистических понятий, отсутствие отчетливого представления о специфике процессов языкового развития.

Действие языка (если мы условимся понимать его не как любую семиотическую систему, а как особое социальное явление, служащее, по определению В. И. Ленина, важнейшим средством человеческого общения) обеспечивается наличием у него двух диалектически связанных между собой сторон: материальной структуры и общественной функции. Соответственно этому развитие языка идет по двум линиям: структурной и функциональной. В традиционной лингвистической терминологии этому ближе всего, хотя и не полностью, соответствует давно уже возникшее разделение лингвистики на внутреннюю и внешнюю, а в некоторых новейших работах — выделение двух аспектов лингвистики: собственно-лингвистического и социологического. Не вдаваясь в оценку той или иной системы терминологии и имея в виду, что всякий термин условен и что достоинства его — не в этимологии, а прежде всего в строгой определенности стоящего за ним научного понятия, позволим себе придерживаться здесь той терминологии, которая непосредственно связана со структурной и функциональной характеристиками языка.

Структурная линия развития представляет собой процесс постепенных изменений структуры языка в целом, всех ее отдельных элементов, лингвистических функций этих элементов, их взаимосвязей и сфер использования в речи. Именно эта линия развития языка составляет генеральное, а для некоторых новейших направлений, в частности для структуральной и математической лингвистики — единственное, содержание лингвистических исследований. Неизмеримо меньшее внимание уделяется функциональной линии развития языка, тогда как и она имеет весьма существенное значение. Правда, за последнее время внимание к ней, особенно в нашей стране, усилилось, но именно в этой области неуточненность основных понятий дает себя знать в наибольшей степени.

Под функциональной стороной действия и развития языка разумеется распределение и перераспределение, возникновение, видоизменение и отмирание общественных функций, свойственных каждой из форм существования языка, в различных сферах человеческой деятельности. Все эти изменения в функциональной стороне языка происходят в определенных социальных условиях и, что важнее всего, целиком зависят от них.

Главная, наиболее общая функция языка — коммуникативная. Она лежит в основе всех прочих, частных функций, всех случаев использования языка, будь то сообщение или восприятие знаний, идеологическое или эстетическое воздействие, организация трудовых или каких-либо иных социальных процессов, попытки магического воздействия на потусторонние силы или речевое управление домашними животными и механизмами.

Функции языка не следует смешивать ни с формами его существования, ни со сферами его применения, ни с условиями, в которых он функционирует. Еще меньше оснований ставить в один ряд социальные функции языка и чисто лингвистические функции элементов его структуры. Это, казалось бы, элементарно, и, тем не менее, с подобным смешением совершенно разноплановых понятий в специальной литературе приходится встречаться.

Формами существования языка принято считать разговорно-бытовой язык с его обычным членением на территориальные и социальные диалекты, литературный язык в устной и письменной разновидностях, наддиалектное койнэ, язык межнационального общения, особый культовый язык,

вспомогательный искусственный язык, единый общечеловеческий язык будущего.

Среди бесчисленных сфер использования языка можно отметить такие, как семейное общение, общение внутри производственного коллектива, в пределах населенного пункта, на разного рода собраниях, в школьном обучении всех ступеней, различные виды массовой информации, удовлетворение эстетических потребностей, использование языка в сфере науки, религии, делопроизводства, личной переписки, общение внутри одноязычного коллектива и между разноязычными людьми или коллективами.

К социальным условиям, определяющим собой пути функционального развития языка (т. е. совершенствования форм его существования, расширения частных функций и сфер использования), относятся в первую очередь характерные для данного народа уровень социально-экономического развития, форма этнической общности и степень ее консолидации, уровень суверенитета, форма государственности, уровень культуры, численность и компактность, этническое окружение, экономические, политические и культурные связи, соотношение уровня развития данного народа и его соседей, а также длительность и диапазон литературных традиций, степень диалектной расчлененности языка, наличие или отсутствие массового многоязычия и т. п.

Приведенный перечень функций, сфер применения, форм и условий существования языка ни в коей мере не претендует на исчерпывающую полноту. Цель его — показать принципиальные различия между четырьмя относительно самостоятельными рядами социальных явлений, которые в определенном взаимодействии между собой составляют содержание общих понятий функционального типа языка и функциональной линии его развития.

Структурное развитие языка вызывается и регулируется, как известно, двоякого рода стимулами: а) внутренними законами, порождаемыми потребностями упорядочения структуры языка, и б) различными внеязыковыми, точнее — внеструктурными, факторами социального характера. Если первые из них действуют на структуру языка непосредственно и целиком в ней локализуются, то действие вторых осуществляется в той или иной мере через посредство функциональной стороны языка. Совершенно справедливое указание Ф. Энгельса о независимости фонетических изменений от социально-экономических факторов следует понимать в том смысле, что здесь нет и не может быть непосредственного воздействия. Для современного языкознания это можно уже считать азбучной истиной. Но, вместе с тем, никто не станет отрицать того очевидного факта, что возникшие под действием социально-экономических факторов контакты между народами и их естественное следствие — взаимодействие языков между собой — могут привести к перестройке фонетических систем, порою даже весьма существенной. Такого рода перестройки стимулируются чисто функциональными условиями — переkreщиванием социальных функций двух языков в пределах одного коллектива людей. В данном случае, как и в других подобных, можно отметить прямое воздействие функциональной стороны языка на структурную и более отдаленное воздействие на нее социально-экономических условий, оказываемое через посредство функциональной стороны языка. Таким образом, к числу непосредственных стимулов развития структуры языка, наряду с имманентными для нее внутрискруктурными факторами, должны быть отнесены также факторы функционального порядка.

Это свидетельствует о наличии тесных связей между структурной и функциональной сторонами действия и развития языка. Однако связи

эти обладают весьма существенными особенностями, которые далеко не всегда в нужной мере учитываются специалистами.

Во-первых, подобные связи не имеют характера автоматической зависимости. В этом нетрудно убедиться, сравнивая между собой языки с различными чисто функциональными характеристиками. Литературный язык в принципе совершеннее по своей структуре, по уровню нормативности, чем язык бесписьменный, язык нации совершеннее языка народности, язык феодального общества совершеннее языка первобытно-общинного коллектива, общенародный язык богаче любого своего диалекта. Тем не менее, нельзя назвать ни одного структурного элемента, ни одной структурной особенности, которые были бы обязательными в литературном языке, в языке нации, в языке феодального общества, в общенародном языке и абсолютно невозможными в языке бесписьменном, в языке народности, в языке первобытно-общинного коллектива или в диалекте.

Во-вторых, связи эти не обладают характером тотальности. Если зависимость многих структурных изменений в любом конкретном языке от развития его функциональной стороны не подлежит сомнению, то небольшое число изменений в том же языке оказывается связанным не с функциональной стороной, а только с внутриструктурными факторами.

В-третьих, эти связи однонаправлены: структурная сторона языка обнаруживает зависимость от функциональной, тогда как обратной зависимости не существует. Если можно считать, что тот или иной язык усовершенствовал свою структуру в результате перехода к более высокой ступени функционального развития, например, в результате рождения литературной формы его существования или расширения сферы его использования, то невозможно себе представить такой случай, когда бы язык становился литературным или проникал в такие сферы, как скажем, наука и искусство, только потому, что достиг какого-то определенного уровня структурного развития.

Две стороны языка — структурная и функциональная, — как можно видеть, связаны друг с другом, но в то же время обладают известной самостоятельностью, автономностью. Поэтому в исследовательских целях их нужно четко разграничивать, не допуская смешения или подмены одной другою, что практически нередко делается.

Существенное различие между этими двумя сторонами языка проявляется также в неодинаковом их отношении к возможности сознательного регулирования. В известной мере воздействие воли человеческих коллективов и даже отдельных людей сказывается на структуре языка. Известно, что истоки изменений в этой стороне языка часто обнаруживаются в индивидуальных речевых отклонениях от сложившейся языковой нормы. Обычно такое воздействие осуществляется через школу, литературу, театр, устную пропаганду и другие каналы массовой коммуникации, т. е. в конечном счете через те факторы и условия, которые непосредственно связаны с функциональной стороной действия и развития языка. Иными словами, сознательная воля влияет на структуру языка только через посредство его функциональной стороны, и это влияние, хотя и нарастает со временем, все же по сравнению со стихийным развитием имеет весьма ограниченные пределы, которые в естественном языке едва ли могут быть когда бы то ни было полностью преодолены.

В отличие от этого, функциональное развитие языка, особенно с возникновением классового общества, государства, школьного образования, противоположности между умственным и физическим трудом, с развитием науки, профессионального искусства слова, завоевательных войн и межнациональной торговли, характеризуется тенденцией ко все большему

подчинению регулирующей воле общества, составляющих его классов, политических партий и государственного аппарата. Удельный вес стихийных процессов в этой области постепенно сводится к минимуму. Не исключено, что со временем он опустится до нуля.

Система мер сознательного регулирующего воздействия на функциональную сторону языка, а через ее посредство — в известной мере также и на его структуру, представляет собой языковую политику определенного общественного класса, партии, государства. При таком понимании языковая политика на определенных этапах общественного развития не только возможна, но и необходима. Ее успехи, как о том свидетельствует опыт нашего социалистического государства, целиком зависят от того, насколько последовательно она опирается на подлинно научное познание характера и перспектив общественного прогресса, социальной роли языка, особенностей и возможностей его развития.

В условиях многонационального государства, каким является Советский Союз, языковая политика, регулирующая функционирование многих конкретных языков, служит одной из важнейших составных частей национальной политики. Именно такое место отводится ей в бессмертных трудах В. И. Ленина и в программных документах Коммунистической партии.

В. И. Ленин вслед за К. Марксом неоднократно подчеркивал, что национальный вопрос подчинен интересам классовой борьбы пролетариата и что эти интересы требуют не закрепления национальных перегородок, а, наоборот, объединения трудящихся всех наций для единой цели — строительства коммунизма, а затем ислияния наций. «Не разграничивать нации наше дело, — писал он еще в 1913 г., — а сплачивать рабочих всех наций. Не „национальная культура“ написана на нашем знамени, а *интернациональная* (международная), сливающая все нации в высшем социалистическом единстве...»¹. О тенденции к исчезновению противоположностей между нациями и об усилении этой тенденции после победы пролетарской революции К. Маркс и Ф. Энгельс говорили еще в «Манифесте Коммунистической партии»². Но в стратегической линии, направленной на достижение коммунистического единства всего человечества, не должно быть и тени несправедливости, принуждения, а тем более насилия, ибо в противном случае объединение не может быть прочным и долговечным. «Пролетарская партия, — читаем мы у В. И. Ленина, — стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к *сближению и дальнейшему слиянию* наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций»³. Единственным путем разрешения национального вопроса, единственно приемлемой тактикой в этой области В. И. Ленин считал последовательный демократизм⁴.

Диалектичность ленинского подхода к национальному вопросу особенно ярко проявилась в требовании свободы самоопределения наций вплоть до отделения. Вот как формулировал это требование сам В. И. Ленин: «Мы требуем свободы самоопределения, *т. е. независимости, т. е. свободы отделения* угнетенных наций не потому, чтобы мы мечтали о хозяйственном раздроблении или об идеале мелких государств, а, наобо-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 237. См. также: стр. 122, 127, 131—133, 138; т. 7, стр. 233; т. 25, стр. 274—275, 301; т. 27, стр. 255—256.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 444—445.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 167. См. также: т. 27, стр. 64.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 425; т. 24, стр. 9, 57—58; т. 30, стр. 22.

рот, потому, что мы хотим крупных государств и сближения, даже слияния, наций, но на истинно демократической, истинно интернационалистской базе, *немыслимой без свободы отделения*»⁵. Необычайно гибко и дальновидно ставился вопрос о двух, казалось бы, диаметрально противоположных, но направленных к одной цели, требованиях марксистов из среды господствующих и подчиненных наций. Имея в виду право наций на самоопределение, В. И. Ленин писал: «Во имя этого права, отстаивая его нелицемерное признание, с.-д. угнетающих наций должны требовать свободы отделения наций угнетенных, — ибо в противном случае признание равноправия наций и интернациональной солидарности рабочих было бы на деле лишь пустым словом, лишь лицемерием. А с.-д. угнетенных наций во главу угла должны ставить единство и слияние рабочих угнетенных наций с рабочими угнетающих наций, — ибо в противном случае эти с.-д. окажутся невольно союзниками той или иной национальной *буржуазии, всегда предающей интересы народа и демократии, всегда готовой, в свою очередь, к аннексиям и к угнетению других наций*»⁶. Иного пути к слиянию наций нет и быть не может⁷.

Исходя из принципов последовательного демократизма и интернационализма, В. И. Ленин всегда горячо отстаивал полное равноправие всех наций, народностей и национальных меньшинств, не делая в этом отношении между ними никакого различия. Ни одна из наций не должна пользоваться никакими привилегиями, а национальные меньшинства не должны испытывать ни малейшего притеснения, говорил он⁸. Кто не борется против национального гнета или неравноправия, тот не только не марксист, но и не демократ⁹. Нужно законодательно, под страхом наказания, пресекать всякие попытки со стороны национального большинства создать для себя какие бы то ни было привилегии и умалить права национального меньшинства¹⁰.

В резолюции X съезда РКП(б) по национальному вопросу дана точная оценка политики русского царизма, русских помещиков и буржуазии по отношению к невеликорусским народам. Она «... состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности, русифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов»¹¹. Естественным следствием были недоверие угнетенных народов по отношению к господствующей нации, стремление замкнуться в свою национальную скорлупу, укоренение национальных предрассудков, т. е. в конечном счете обострение национальных различий и противоречий. Уже после Октябрьской революции В. И. Ленин писал, что в Советской России недоверие к русским стало быстро исчезать, но полностью еще не исчезло. Поэтому необходима особая осторожность в отношении к национальному чувству, необходимы равенство и свобода самоопределения на деле, чтобы отнять почву у этого недоверия и добиться добровольного теснейшего союза всех наций¹². Теперь у нас уже не осталось социаль-

⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 68, 256; т. 30, стр. 33—34; т. 34, стр. 379.

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 63—64.

⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 45.

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 150, 425, 316—317; т. 24, стр. 124—125.

⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 125.

¹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 317; т. 24, стр. 57—58; т. 31, стр. 440; т. 48, стр. 291.

¹¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. 7-е изд., 1954, стр. 559.

¹² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 94—95, 111, 161.

ной почвы для антагонизма, вражды и недоверия между нациями. Эта задача была решена кардинально и быстро. Медленнее будет происходить отмирание национальных предрассудков, а тем более национальных различий. Они будут держаться еще долго даже после победы коммунизма в мировом масштабе, и, пока они существуют, требуется не устранение национальных различий, а гибкая тактика применения к ним основных принципов коммунизма¹³.

Вместе с тем, В. И. Ленин неоднократно повторял, что любое национальное требование должно соответствовать интересам пролетариата, служить целям социального прогресса. Он писал: «Скинуть всякий феодальный гнет, всякое угнетение наций, всякие привилегии одной из наций или одному из языков — безусловная обязанность пролетариата, как демократической силы, безусловный интерес пролетарской классовой борьбы, которая затемняется и задерживается национальной грязью. Но содействовать буржуазному национализму за этими, строго ограниченными, в определенные исторические рамки поставленными пределами — значит изменять пролетариату и становиться на сторону буржуазии»¹⁴.

Принцип последовательного демократизма распространялся В. И. Лениным и на языковой аспект национальной политики. Говоря о равноправии наций, об их самоопределении, о необходимости строгого учета национальных особенностей, он обычно тут же упоминал и национальные языки. Это свидетельствует о том, что языковой политике он придавал весьма важное значение.

В. И. Ленин провозглашал полную свободу и равноправие всех национальных языков, необходимость создать условия для их беспрепятственного развития, безусловное право каждого гражданина государства пользоваться родным языком. Он писал: «Демократическое государство безусловно должно признать *полную свободу* родных языков и отвергнуть *всякие* привилегии одного из языков»¹⁵. Обязанность каждого демократа, а тем более марксиста — признавать и отстаивать равноправие языков¹⁶. Особенно большое значение В. И. Ленин и выпестованная им партия большевиков придавали развитию родных языков и литератур наиболее слабых, угнетенных и отсталых в прошлом народов. В проекте партийной программы, составленном в феврале 1919 г., В. И. Ленин писал о необходимости содействовать развитию языка и литературы ранее угнетенных или неравноправных наций¹⁷. Об осуществлении этого требования говорил он и в беседе с американским журналистом пятью месяцами позже¹⁸. В резолюции X съезда партии по национальному вопросу сказано, что задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им создать соответствующую их национальным особенностям советскую государственность, действующие на родном языке судебные, хозяйственные и административные органы, развить прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные органы на родном языке, развить широкую сеть общеобразовательных и профессионально-технических курсов и школ на родном языке для ускоренной подготовки местных кадров¹⁹. В этом неоднократно подчеркивании необходимости ис-

¹³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77, 168.

¹⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 132; см. также стр. 124; т. 7, стр. 233; т. 25, стр. 274—275.

¹⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 71—72. См. также: т. 23, стр. 150, 317, 425; т. 24, стр. 57—58, 124; т. 31, стр. 439; т. 48, стр. 291.

¹⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 121, 125.

¹⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 95.

¹⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 114.

¹⁹ См.: «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 559.

пользования и развития родных языков проявляется глубокое понимание того, что язык как «важнейшее средство человеческого общения»²⁰ может быть достаточно эффективным лишь в том случае, когда он близок и понятен для масс во всех своих тонкостях. Особенно велика роль родного языка в обучении грамоте, чему В. И. Ленин придавал первоочередное значение. Он говорил в 1921 г.: «Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика»²¹.

В связи с идеей «культурно-национальной автономии», выдвинутой Реннером, Бауэром и другими австрийскими социал-демократами и особенно активно поддержанной в России бундовцами, возник спор по поводу разделения школьного дела по национальностям в пределах одной страны и языка преподавания в школе. В. И. Ленин, неуклонно отстаивавший интересы единства классовой борьбы пролетариата, со всей страстностью, со всей неотразимо логичной аргументацией выступил в защиту единственно правильной, марксистской тактики. Он указывал, что уже при капитализме экономическое развитие естественным путем ведет к сплочению наций, тогда как попытки разделить по национальному признаку культуру вообще и школьное дело в частности направлены на углубление пропасти между нациями. В капиталистическом обществе пролетариат разных наций ведет непримиримую классовую борьбу прежде всего в области экономики и политики, разделение же школьного дела, которое невозможно оторвать от экономики и политики, служило бы лишь тормозом для интернационального сплочения трудящихся. Национальная культура вообще, в том числе и школьное дело, в буржуазном обществе находится под преобладающим влиянием клерикалов и буржуазных шовинистов и потому разделение школьного дела только усилило бы позиции клерикализма и шовинизма. Различные нации неравноправны, уровень их развития неодинаков; при этих условиях разделение школьного дела неминуемо поставит отсталые нации в еще более тяжелое положение. Поэтому проповедь отдельных, обособленных национальных школ, разграниченных по принципу «национальной культуры», вредна и реакционна. Она направлена против интересов демократии и тем более пролетариата²². В то же время, с точки зрения В. И. Ленина, неприемлемо и метафизически прямолинейное решение вопроса о языках школьного преподавания: разные школы — разные языки, единая школа — единый язык. Он писал: «Смешивать обучение на родном языке с „разделением по национальностям школьного дела в пределах одного государства“, „с культурно-национальной автономией“, „с изъятием школьного дела из ведения государства“ есть самое вопиющее невежество. Нигде в мире марксисты (и даже демократы) не отрицают обучения на родном языке»²³. По мнению В. И. Ленина, «школьная политика у рабочих всех наций одина: свобода родного языка, демократическая и светская школа»²⁴. Обеспечить преподавание на родном языке, в необходимости чего В. И. Ленин никогда не выражал сомнения, вполне можно и без разделения школ по национальностям²⁵. Весьма поучителен ответ, который он дает на предполагаемый вопрос о том, как быть с единственным грузинским ребенком среди 48 076 школьников Петербурга. Он пишет, что создать для него

²⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258—259.

²¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 174.

²² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 133, 175; т. 25, стр. 72.

²³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 146.

²⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 72.

²⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 224.

особую грузинскую школу невозможно и не нужно. Но вполне допустимо требовать для этого единственного ученика-грузина преподавания за счет государства грузинского языка, грузинской истории и т. п.²⁶ Совершенно естественно, что В. И. Ленин не изменил своего взгляда на положительную роль родного языка в школьном преподавании и после Октябрьской революции. На VIII съезде партии он говорил: «У нас есть, например, в Комиссариате просвещения или около него коммунисты, которые говорят: единая школа, поэтому не смейте учить на другом языке, кроме русского! По-моему, такой коммунист это — великорусский шовинист. Он сидит во многих из нас и с ним надо бороться»²⁷.

В. И. Ленин, верный идеям последовательного демократизма, всегда категорически возражал против введения обязательного государственного языка, на роль которого в России естественно выдвигался русский язык. Связанные с этим упреки в утрате чувства национальной гордости он решительно отводил, говоря, что сознательным русским пролетариям вовсе не чуждо чувство национальной гордости, если оно понимается не по-холоцки и совпадает с социалистическими интересами русских и всех иных пролетариев, что они любят свой язык и свою родину, что прежде всего они стараются поднять ее трудящиеся массы до сознательной жизни демократов и социалистов²⁸.

Особенно назойливо требовали единого государственного языка буржуазные либералы. В резкой полемике с ними В. И. Ленин писал: «Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о „культуре“ вы ни сказали бы, *обязательный* государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки*»²⁹.

Не только до Октября, но и после него, В. И. Ленин не устал повторять, что обязательный государственный язык не только не нужен, но и вреден, поскольку обязательный язык дает привилегии одной из наций. Не об этом нужно заботиться, считал он, а о полном признании прав родных языков всех народов, об обеспечении населению страны школ с преподаванием на всех местных языках³⁰. В качестве положительного примера разрешения национального вопроса в области языка он приводил Швейцарию, где равными правами пользуются три государственных языка: немецкий, французский и итальянский, а некоторые юридические документы публикуются, кроме того, еще на двух романских диалектах, на которых говорит всего лишь чуть больше одного процента населения. И Швейцария, говорил он, ничего не теряет от этого, а, наоборот, выигрывает³¹.

²⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 221.

²⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 183—184.

²⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107, 110.

²⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 294—295.

³⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 316—317; т. 25, стр. 146; т. 31, стр. 440; т. 32, стр. 154.

³¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 424; т. 24, стр. 139.

Перед первой мировой войной с требованием объявить русский язык обязательным государственным языком в России выступили и некоторые большевики; среди них был С. Г. Шаумян, который считал, что общегосударственный русский язык необходим, что он имел и будет иметь крупное прогрессивное значение. В. И. Ленин в письме С. Г. Шаумяну признает, что русский язык, действительно, сыграл прогрессивную роль в жизни мелких и остальных наций, но с тем, чтобы наделять русский язык функциями обязательного языка, он решительно не согласился. «Но неужели Вы не видите,— пишет В. И. Ленин дальше,— что он *имел бы* прогрессивное значение еще в большем размере, если бы не было принуждения? Что же, разве „государственный язык“ не означает палки, *отбивающей* от русского языка?»³².

В выделении государственного языка В. И. Ленин не видел ничего прогрессивного. Ссылаясь на пример той же Швейцарии, он спрашивал: зачем же такой еще более обширной, пестрой и отсталой в то время стране, как Россия, нужно тормозить свое развитие сохранением привилегии для одного из языков? Для России, чтобы догнать Европу, лучше было бы покончить со всяческими привилегиями как можно скорее³³.

Вместе с тем, В. И. Ленин считал весьма прогрессивным естественно, без какого бы то ни было насилия возникающее стремление народов одной страны овладеть языком большинства населения для установления более глубоких и прочных связей между всеми населяющими эту страну народами. Такое стремление как естественно возникающая тенденция рождается еще в условиях капиталистического способа производства. Он указывал, что «... потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства. Чем демократичнее будет строй России, тем сильнее, быстрее и шире разовьется капитализм, тем настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений»³⁴. При этом выбор такого языка не потребует никакого административного вмешательства, ибо «... потребности экономического оборота сами собой *определят* тот язык данной страны, знать который большинству *выгодно* в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, что его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм, чем быстрее будет в силу этого развитие капитализма»³⁵.

В. И. Ленин отчетливо представлял себе языковую ситуацию дореволюционной России во всех ее тонкостях и прекрасно понимал, что миссия межнационального средства общения самим ходом истории уготована русскому языку. Видя естественную неотвратимость такого выбора, он с тем большей убежденностью восставал против малейших элементов давления на избирающих, так как для него были очевидны пагубные последствия такого насилия. Он писал: «Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки. А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.»³⁶.

³² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., г. 48, стр. 233—234.

³³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 423—424.

³⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 423.

³⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 424—425.

³⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 295.

В. И. Ленин как гениальный диалектик не находил неразрешимого противоречия между всесторонним развитием всех национальных языков и выдвиганием на роль языка межнационального общения одного из них. Как раз свобода для всех языков понималась им как наиболее благоприятная почва для беспрепятственного функционирования одного из них в наиболее ответственной и почетной роли.

Жизнь подтвердила безусловную правильность разработанных В. И. Лениным принципов языковой политики. Об этом убедительно свидетельствует все более крепнущая братская дружба народов Советского Союза и всего могучего лагеря социалистических государств. Ленинским курсом шла и будет идти наша Коммунистическая партия, которая в своей Программе отмечает как положительное явление все расширяющийся процесс добровольного изучения, наряду с родным, также и русского языка, что «содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре»³⁷. Вместе с тем партия вовсе не призывает нас к тому, чтобы начать свертывать работу по усовершенствованию отдельных национальных языков, искусственно ограничивать их применение и оказывать предпочтение одним языкам за счет других. Отдавая должное русскому языку и отмечая его выдающуюся роль, Программа говорит, что партия будет «обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков»³⁸.

Отсюда для советских языковедов, как мне представляется, вытекают две в высшей степени ответственные и почетные задачи: во-первых, всеми доступными им средствами содействовать дальнейшему развитию всех языков народов Советского Союза; во-вторых, совместно с деятелями педагогической науки оказать действенную и квалифицированную помощь всем желающим овладеть в совершенстве русским языком, создавая для этого методические руководства и учебники, где в необходимой мере учитывались бы структурные сходства и различия между русским языком и родным языком обучающихся. Многое в этом направлении уже сделано, но для полного осуществления упомянутых задач, особенно в отношении малых народов, предстоит еще немало потрудиться.

Сказанное, конечно, не означает, что может быть ослаблена работа по остальным направлениям советской лингвистики. Напротив, чем интенсивнее будут развиваться эти направления, тем успешнее могут быть решены и указанные выше задачи, тем выше будет теоретический уровень взаимодействия лингвистической науки с языковой практикой.

³⁷ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961, стр. 115.

³⁸ Там же.